

УДК 947.0

М.М. Имашева

Криушинская мечеть и ее первый имам (из истории мусульманской общины Астрахани начала XX века)

Институт истории Республики Татарстан им. Ш. Марджани; imaschewa@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с образованием новых мусульманских приходов и строительством мечетей (последней в предреволюционный период была построена мечеть в 5-ом участке, по названию местности – Криушинская), а также с деятельностью первого имама Криушинской мечети Нурмухамеда Асфандиярова.

Ключевые слова: *мечеть, конфессия, махалля, приход, кадимизм, джадидизм.*

In the early twentieth century Astrakhan Muslim community is growing rapidly in number and are increasingly claiming their socio-economic interests. One manifestation of this process was the formation of new Muslim congregations and the construction of mosques. The last in the pre-revolutionary period, the mosque was built in the 5th section, called locality – Kriushinsky.

Its construction was the result of social activity group Tatar immigrants from the middle Volga provinces, settled in Astrakhan. Kriushinsky mosque from the architectural point of view was the final stage in the formation of Astrakhan type of Islamic religious architecture.

Keywords: *Mosque, Denomination, Mahalia, Parish, Kadimism, Jadidism.*

История Криушинской мечети начинается 3 июля 1903 г. В этот день домовладельцы и жители 5-го участка города Астрахани (вблизи Собачьего переуллка и близлежащих улиц) магометанского вероисповедания подали Астраханскому полицмейстеру прошение о постройке новой пятивременной мечети на основании общественного приговора. Непосредственными просителями выступили будущий имам мечети Нурмухамед Асфандияров, прихожане Хасян Мифтахетдинов и Хабибулла Абудшиев, происходившие из Сергачского уезда Нижегородской губернии [2, л. 2]. Но, как оказалось, просить разрешения на постройку надо было не только у официальных властей, но и у руководителей близлежащих приходов.

Уже 21 июля имамы одного из самых значительных приходов Красной Соборной мечети № 9 Гилянского двора (располагавшийся на соседней улице) Абдурахман Абдулвагапович Алиев и Абдрахим Ибрагимов направили на имя губернатора собственное прошение. Им стало известно, что татары, проживающие близ Собачьего переуллка, просят власти о разрешении выстроить мечеть и организовать собственный приход. Имамы считали, что в этом особой надобности нет. И это несмотря на то, что на момент составления прошения все татары 5-го участка принадлежали к приходу Красной мечети и вместе с жителями близлежащего района приход составлял 757 душ мужского пола, не считая женщин и детей. Мечеть просто не могла вместить такое количество прихожан в часы богослужений. Кроме вышеупомянутых имамов, причт составляли еще 3 муэдзина, все они содержались за счет общества.

Имамы писали губернатору: «...с отделением сказанного прихода от нашей мечети наш приход будет очень бедным и не на что будет содержаться духовенству, а также и содержать самую мечеть в благопристойном виде. Не признаете ли возможным разрешить в 5-м участке мечеть только пятивременную, без образования собственного прихода, да в постройке этой мечети надобности и нет, так как в сказанной местности для

совершения богомолья есть молитвенный дом, а требы наши исполняются без всяких упущений и без замедлений» [2, л. 7].

Тем не менее, губернатор поручил полицмейстеру провести дознание и выяснить вопрос о том, насколько в действительности жители 5-го участка нуждаются в новой мечети. Полицмейстер выяснил, что самыми ближайшими являются мечети Гилянского двора № 9 (Красная) и вновь выстроенная на Больших Исадах, достаточно отдаленные от места проживания просителей. Православных церковей поблизости, что также могло воспрепятствовать началу строительства, не было. Ближайшие – Троицкая и домашняя при Николаевском детском приюте – располагались на расстоянии версты и полуверсты соответственно, отчего «соблазна в вере проживавшим в той местности православным произойти не могло».

Полицмейстер, в свою очередь, нашел новые существенные препятствия к постройке мечети: «Собачий переулочек и вообще прилегающая к нему местность населена в меньшинстве татарами. Из числа лиц, подписавших прошение, только 27 человек имеют постоянную оседлость – свои дома, а остальные – пришлые лица, явившиеся из разных губерний на отхожий промысел и занимающиеся извозным промыслом или частной службой у разных лиц. Наличность последних постоянно меняется, так как одни уезжают в другие районы или отбывают на родину; а другие их замещают. Хотя наличность их, во всяком случае, не меньше 200 человек мужского пола, но не из тех, которые писали приговор. На постройку мечети и средств на содержание таковой и духовенства, как оказалось по собранным сведениям, в наличности не имеется» [2, л. 10].

Между тем еще в 1890-е гг. татары, желавшие выстроить новую мечеть в Собачьем переулке, в доме торговца Хусяина Нижметдинова организовали молитвенный дом, который был официально признан властями в 1897 г. К 1904 г. он уже не вмещал всех желающих. По словам другого уполномоченного от всех прихожан Хасяна Мифтахетдинова, татары, просившие разрешить постройку новой мечети, «часто и подолгу бывают лишены возможности отправлять богомоления, а потому всегда искренне сожалели, что лишены также возможности пользоваться благотворным воздействием молитв и пребывать в духовной беседе с богом» [2, л. 12].

Действительно, как мы уже знаем, близлежащие мечети – на Больших Исадах и Красная (ныне – Соборная) – находились на расстоянии более версты каждая от прихожан. Такое расстояние, хотя и могло быть преодолено в хорошую погоду молодыми и здоровыми, но и для них это путешествие было «ощутительным в смысле потери времени». А для людей больных и престарелых, для детей, особенно в период распутицы, «расстояние это являлось непреодолимым без вреда для здоровья».

Именно для удобства мусульман 5-го участка Х. Мифтахетдинов и поддержавшие его подписями еще 210 человек собирались построить новую пятивременную мечеть. О чем они уведомили губернское правление в новом прошении от 30 июля 1903 г.

Хасян Мифтахетдинов также сообщал в этом прошении, что жертвует под постройку принадлежащее ему дворовое место в Собачьем переулке. А прихожане «по мере достатков своих стали собирать средства на сооружение мечети», тем более что просили татары разрешить им выстроить деревянную мечеть. Соглашались в случае надобности выстроить и каменную, а также содержать за свой счет: «...число жителей нашего вероисповедания в данной местности продолжает увеличиваться, и в будущем материальное положение мечети будет вполне обеспечено». Имелся у прихожан и имам – уже упоминавшийся нами Нурмухамед Асфандияров [2, л. 11–11 об.].

4 мая 1904 г. после длительных заседаний и переписки с МВД, департаментом иностранных вероисповеданий, губернатором Астраханское Губернское правление постройку каменной мечети разрешило [2, л. 30].

Заручившись поддержкой властей, прихожане будущей мечети начинают активный поиск средств на постройку мечети. Видимо, дело было очень хлопотным и трудным, ведь основными жителями района были извозчики и пекари, разнорабочие и мелкие лавочники, едва сводившие концы с концами. На финансовую помощь властей рассчитывать не приходилось. Достоверных данных нет, но нам представляется, что и строительство этой мечети (как и мечетей на Больших Исадах и Вагабии) не обошлось без финансовой поддержки потомственного почетного гражданина Мухамедшакира Мухамеджановича Казакова.

Криушинская мечеть представляет собой образец окончательно сложившегося к началу XX века стиля астраханской мечети. Хотя декоративное убранство этой мечети решено в русле общерусской традиции с использованием отдельных элементов архитектуры ислама, но ее объемно-пространственное и планировочное решение глубоко однообразно и перекликается с архитектурой построенных ранее Белой, Черной мечетей и мечети Вагабия (Красной, Соборной) [5, с. 146].

Внутри мечеть разделена одной поперечной стеной на большой двусветный молельный зал и двухэтажное помещение с северным входом. Снаружи она представляет собой большой прямоугольный объем, на крыше которого над северным входом установлен минарет. Он очень высокий, иглообразный. Объемно-пространственное решение постройки в целом строится на противопоставлении тонкого изящного минарета статичному объему здания и как нельзя лучше выражает идею пробившегося сквозь камень обыденности и тянущегося вверх ростка духовности.

От первоначального образца, каковым являлось архитектурное решение Белой мечети, в Криушинской сохранилось низкое граненое куполообразное покрытие молельного зала. Внутри него по традиции устроены расположенные по периметру стен галереи-антресоли для женщин, освещавшиеся окнами второго света. Ну и, конечно, главное, что отличает все астраханские мечети от мечетей Азербайджана и Южного Дагестана, – продольная, а не поперечная вытянутость молельного зала относительно михраба. По мнению Н.Х. Халитова [5, с. 152], это объясняется суровыми климатическими условиями Поволжья, которые обусловили многокамерность планировки с наиболее удаленной от входа визуальной зоной. И сегодня это одно из красивейших зданий города, возвышающееся над близлежащими деревянными постройками, что неизменно создает ощущение пребывания в эпохе, оставшейся в далеком прошлом.

Строительство мечети было, видимо, завершено в 1907 г. Во всяком случае именно тогда Губернским Правлением к мечети был назначен мулла Н. Асфандияров (по устным сведениям, в 1907–1909 гг., в настоящее время датировки уточняются), а также был признан способным быть мугаллимом. Мечеть и приход при ней получили № 14.

Родился имам в 1864 г. Происходил из крестьян Нижегородской губернии, Сергачского уезда, Семеновской волости, деревни Кочкопожарок. В 1884 г. был призван в армию на родине и зачислен в ратники ополчения 1 разряда. В начале XX века закончил Казанское татарское Азимовское училище (по тем временам очень хорошее среднее образование, дававшее право на занятие должности имама и учителя в мектебе). Затем перебрался по коммерческим делам в Астрахань, где и стал одним из инициаторов строительства новой мечети [4, л. 12–13].

Назначение Асфандиярова было встречено прихожанами с ликованием. Имам, сам выходец из среды бедного нижегородского крестьянства, был очень близок прихожа-

нам. Производили впечатление и его набожность, и богословская образованность. Он охотно согласился обучать детей грамоте, прихожане арендовали дом под мектебе. Начали собирать деньги на строительство собственного здания для школы.

Но очень скоро отношения имама и махалли обостряются, а затем сами прихожане начинают просить астраханские власти отстранить Нурмухамеда Асфандиярова от преподавания и лишить прав приходского имама. Дело в итоге дошло и до политических обвинений и следствия в жандармерии. Камнем преткновения как раз и оказалось то самое мектебе, в котором начали обучаться дети прихода № 14.

В первой половине июля 1913 г. уполномоченными от прихожан соборной мечети № 14 было подано прошение Астраханскому губернатору о пресечении незаконных действий муллы Нурмухамеда Асфандиярова. Просьба уполномоченных: Фейзурахмана Семирханова, Хасяна Вильданова, Абдул-Карима Мамлеева, Хабибуллы Абдуллаева, Изатуллы Патеева и Хасана Иртуганова состояла в том, чтобы власти запретили Асфандиярову совершать сборы пожертвований с прихожан на постройку здания для училища во дворе мечети [3, л. 8].

В том же прошении уполномоченные сообщали, что согласно постановлению прихожан они сами приступили к ремонту здания, в котором располагалось мужское мектебе с классом, в котором изучали русский язык. На что прихожане уполномочили вышеперечисленных лиц собрать пожертвования как деньгами, так и строительными материалами, вести точную запись прихода-расхода средств и по окончании работ представить отчет прихожанам.

Согласно смете, которая была утверждена в июне 1914 г., на ремонт здания медресе, по словам уполномоченных, «капиталу потребовалось немало», так что пожертвований прихожан не хватило и пришлось занять у соседних приходов и частных лиц «с обязательством уплатить долг по мере поступления от прихожан».

В то же время некоторые состоятельные татары начали помогать деньгами и стройматериалами. Купец Хусаин Хаников пожертвовал 400 руб. Муся Самакаев, владелец лесопилки, привез на школьный двор строевой лес. Но все деньги забрал имам и истратил их на оштукатуривание здания мечети, а лес вывез на свой двор (о чем был составлен акт приставом 5-го участка). Также в руках священника, по словам просителей, оказалось 80 руб., собранных с квартирантов в принадлежащем приходу здании по Собачьему переулку, собранные 37 руб. на постройку школы, а также деньги, собранные прихожанами во время пятничных богослужений 15 и 22 августа (сколько – неизвестно). Все эти суммы мулла забрал. К концу лета 1913 г. здание школы уже было вчерне готово, и требовались деньги на внутреннюю отделку и штукатурку стен. Асфандияров же деньги не выдавал, сознательно затягивая ремонтные работы, с тем чтобы мектебе с русским классом не открылось к началу учебного года.

Уполномоченные просили губернское начальство приказать Асфандиярову выдать присвоенные им деньги, пожертвованные специально на школу. А также запретить ему впредь сбор денег в мечети без ведома и согласия прихожан. О чем объявить ему в мечети в присутствии самих прихожан [3, л. 8–9].

Почему же священник препятствовал такому благому, казалось бы, делу? И здесь мы подходим к самой главной проблеме, которая тогда охватила весь, без преувеличения, мусульманский мир России.

Как выпускник Азимовского медресе, Н. Асфандияров был приверженцем традиции кадимизма в исламском образовании и самое главное – противником идеи обучения детей мусульман русскому языку и светским предметам.

А время требовало свое. Городские татары так или иначе вовлекались в социально-экономические отношения российского общества, этноконфессиональная замкнутость прихожан становилась серьезным препятствием на пути интеграции и успешного взаимодействия с этим обществом. Даже самые ортодоксальные мусульмане начинали понимать необходимость изучения русского языка и других наук. Не ведая даже сути теоретических споров, прихожане, сами того не зная, настаивали на претворение в жизнь в их мектебе джадистской педагогики, ярким противником которой был их имам.

Не последним фактором было и то, что имам получал деньги в качестве платы за обучение детей в мектебе. Доходы составляли 300–400 руб. в год. Но это до появления учителя русского языка. Мы говорим не о жадности священника. Царское правительство никакого жалования мусульманскому духовенству не выплачивало, и содержание имама было целиком возложено на приход. В этих условиях мулла вынужден был, особенно в бедных приходах (каковым и являлся приход Криушинской мечети), изыскивать способы зарабатывания денег. Поэтому обучение детей грамоте становилось существенной статьей дохода.

Тем временем дело разрасталось. Прощение уполномоченных губернское правление пересылает в Оренбургское Духовное управление мусульман. А в Астрахани Асфандияров тем временем становится объектом внимания жандармерии.

В дело включился известный астраханский общественный деятель, бессменный заведующий первым русско-татарским училищем, джадид по убеждениям, цензор литературы на татарском языке Искак Халильуллович Искендеров. 16 марта 1913 г. он доложил губернатору о состоявшейся беседе с уполномоченными от прихожан мечети № 14 Хасяном Иртугановым и Изатуллой Патеевым. Они сообщили Искендерову, что мулла Асфандияров выдает себя в приходе «за святого проповедника». И в последние три года (т. е. с 1910 г.) еженедельно, по пятницам, около двух часов дня собирает у себя своих «поклонников» (мюридов) и «совершал с ними какую-то молитву». Собирались якобы человек 40–50. По показаниям свидетелей, за это Асфандияров брал с этих людей деньги.

Чтобы скрыть это от полиции, Асфандияров проводил «эти сборища» не в своем собственном доме на 4-й Бакалдинской улице, а в доме своего бывшего учителя муллы Ады Япарова (к тому времени умершего) [1, л. 2].

Сам имам и мугаллим Н. Асфандияров на сообщение Искендера, которое губернатором было передано в губернское жандармское управление, поспешил направить оправдательное заявление на имя губернатора. К тому же еще 1 февраля 1913 г. директором народных училищ губернии ему было запрещено преподавание в приходской школе. В своем заявлении он просил «разъяснить, какие такие незаконные действия были мои и почему я устранин».

С 1 апреля 1913 г. по распоряжению Дирекции народных училищ «вследствие незаконных» с его стороны действий Н. Асфандияров был отстранен и от заведывания мектебе. 7 августа 1913 г. за ним было установлено негласное полицейское наблюдение. В тот же день он был впервые допрошен жандармами. 22 августа было вынесено предварительное постановление о виновности Асфандиярова, в котором он был признан сторонником учения «ишанов». Но практически сразу это обвинение было снято [4, л. 13].

Жандармерия признала, что мнение о личности Асфандиярова в обществе разделились. С одной стороны, некоторые считали, что мулла представлял собой некую разновидность религиозного фанатика, принадлежащего секте, «напоминающей русское ма-

сонство». Он «мнил казаться святым, произносил восторженные речи и поучения религиозного свойства».

С другой стороны, были и люди, которые считали все это напускным: «...святость его приноровлена лишь к тому, чтобы вернее действовать на народную темноту и больше привлечь к себе поклонников-мюридов, которых он поучал единственно с корыстной целью».

С точки зрения жандармов, деятельность и поучения Асфандиярова носили антиправительственный характер, так как он «фанатично проповедовал против обрусения татар и в особенности татарских детей, а также против отдачи их в русские школы». Причем по этому поводу у муллы со своим приходом и вышел основной конфликт. Он не хотел открытия при мечети «класса русского языка [4, л. 16].

Недовольство властей прежде всего вызывало явно выраженное враждебное отношение священника к русским. Особенно примечательным оказался пример с празднованием юбилея дома Романовых.

По случаю празднования 21 февраля 1913 г. 300-летия дома Романовых дирекция народных училищ предписала Асфандиярову в этот день никаких занятий не проводить, а по возможности собрать учеников и их родителей в здании мектебе для вознесения молитвы во здравие всех здравствующих членов Царствующего Дома.

Но в день юбилея «все принадлежности для иллюминации и украшения мечети и школы – флаги, фонари и прочее – были куплены помимо него, а Асфандияров не служил в этот день в школе молебна» [1, л. 8 об.].

Такие действия Асфандиярова, хотя и попадают в поле зрения политической полиции, но «политические задачи его не определены с достаточной ясностью». Даже жандармы приходят к выводу, что это никакой не панисламизм, а деятельность с чисто корыстными целями. Но ввиду признания начальником Астраханского губернского жандармского управления действий Асфандиярова противоправительственными власти посчитали возможным «возбудить против него переписку «в порядке охраны», дабы иметь данные судить о степени вреда для государственного порядка и спокойствия со стороны Асфандиярова.

Директор народных училищ Астраханской губернии, опрошенный как «ближайший начальник школ, состоящих при мечетях», подтвердил, что по сведениям, полученным им от прихожан мечети № 14, Асфандияров «прежде других и самым решительным образом восставал против предложения учебного начальства открыть при всех мектебе, согласно требованиям закона, классы русского языка».

С этой целью он, «пользуясь некультурностью большинства прихожан, прибегал и к воздействию на них, и к заведомой лжи». Так, в мечети после молитвы он уверял прихожан, «что учебное начальство – директор и инспектор народных училищ, настаивая на открытии русских классов в примечетных мектебе, преследуют единственную цель – обращение детей татар в православие, а потому нужно всячески противодействовать их требованию». Естественным следствием такой «пропаганды» стало то, что часть прихожан «стала недоверчиво относиться к служебному начальству, а также и к своим единоверцам – сторонникам этого начальства».

Затем, поняв, что открытие класса русского языка при мектебе – дело неизбежное, Асфандияров стал «уговаривать прихожан послать своих детей для обучения не в мектебе, а к нему домой». Таким образом, у него на квартире образовалась «как бы новая приходская школа, но без преподавания русского языка, хозяином которой являлся только сам Асфандияров».

После неоднократных требований дирекции и прихожан прекратить частное преподавание на дому у Асфандиярова инспектором народных училищ «было отобрано обязательство в том, что он отказывается обучать детей у себя на дому, ибо в противном случае делу будет дан законный ход» [1, л. 20].

Следствие тем временем продолжалось, и 12 октября 1913 г. жандармский полковник Федоренко вынес постановление, что подследственный может быть признан «лицом политически неблагонадежным». Переписка, касающаяся Асфандиярова, была направлена астраханскому губернатору с ходатайством «о внесении таковой в Особое Собрание, образованное при министерстве внутренних дел, на предмет высылки Асфандиярова за пределы Астраханской губернии под гласный надзор полиции и на срок по усмотрению Особого Собрания».

Следствие достаточно мягко отнеслось к Асфандиярову. Обыск у него не проводился, арестован не был, к предварительному следствию или формальному дознанию не привлекался. К моменту начала следствия Нурмухамед Асфандияров был уже молодым человеком, ему было 49 лет, он имел 3 взрослых сыновей и 1 замужнюю дочь [1, л. 21].

В октябре 1913 г. прихожанам Криюшинской мечети было разъяснено, что по поводу присвоения денег Асфандияровым прихожане могут подать на него иск в суд [3, л. 19].

В конце ноября 1913 г. министр внутренних дел вынес постановление: «Подчинить Н. Асфандиярова гласному надзору полиции в избранном им самим месте жительства, за исключением Астраханской, Казанской, Уфимской, Оренбургской губерний и степного края (т. е. мест со значительным мусульманским населением) на 3 года, исчисляя с 15 ноября 1913 г.».

18 декабря астраханский полицмейстер сообщил, что Асфандияров избрал местом жительства город Варшаву, следовать куда просил не этапным порядком, а в сопровождении городского астраханской полицейской команды, расходы по передвижению которого и содержание в пути в оба конца он берет на себя. Уже 20 декабря Асфандияров на вышеозначенных условиях отправился в Варшаву, причем ему не разрешили устроить «прощальное» богослужение в мечети из опасения, что он устроит скандал [4, л. 70].

Летом 1914 г. началась Первая мировая война, и Варшава оказалась в эпицентре боевых действий. В первой половине июля 1915 г. пристав 5-го участка Астрахани задержал на улице бывшего муллу Н. Асфандиярова, о чем поспешил сообщить полицмейстеру.

До сведения последнего дошли и другие сведения. Едва успев вернуться, Асфандияров сразу созвал прихожан в мечети и устроил сбор в пользу раненных на войне, но деньги в итоге присвоил.

Как оказалось впоследствии, Асфандияров появился в городе на вполне законных основаниях. Еще 4 июня он направил варшавскому полицмейстеру прошение о выезде из города в связи с приближающимися военными действиями. От варшавской полиции он имел свидетельство, в котором было прописано право на «свободное проживание в пределах Российской Империи впредь до получения надлежащего вида на жительство». Отпущен Асфандияров был в связи с эвакуацией Варшавы [1, л. 70–74, 89].

25 декабря варшавский обер-полицейстер сообщил астраханскому губернатору, что Н. Асфандияров прибыл в Варшаву и «подчинен гласному надзору полиции» [1, л. 39–41, 46, 65].

14 июля 1915 г. Асфандияров зарегистрировался в своем доме на Бакалдинской улице № 3, а 27 июля пристав 5-го участка Попов составил протокол. Согласно ему, прибыв в дом бывшего муллы, пристав «обнаружил его в среде своего семейства». Здесь осужденный к административной ссылке заявил, что новым местом жительства он выбрал город Царицын, о чем он обратился с ходатайством к варшавскому обер-полицмейстеру. Выехать в Царицын планировал в ближайшие дни. Астраханский губернатор 31 июля неожиданно получает прошение от уполномоченных прихожан мечети № 14. Бывшие противники муллы Асфандиярова – Изатулла Патеев, Насретдин Маликов, Хабибулла Абдуллин и еще 49 человек – ходатайствовали перед властями о смягчении участи престарелого Асфандиярова, чтобы ему позволили остаться в городе, где жила его семья, и вернули недвижимость, чтобы он проживал в собственном доме.

В прошении говорилось, что бывшему мулле уже 53 года, «он наш, местный житель». Прихожане «все ручались за него, так как знали его только с хорошей стороны» (куда же делись прежние разногласия?). Прихожане просили губернатора «снизойти к ходатайству и оставить Асфандиярова в городе на жительство, о чем и сделать надлежащее распоряжение». Пока же бывший мулла был оставлен только на время праздника Ураза-Байрам. Если же оставить в городе возможности не представится, просили разрешить следовать Асфандиярову до места назначения не этапным порядком, «так как высылка таким путем наносит нравственную обиду, тем более он не молодой человек».

Но в этот же день губернатор пишет полицмейстеру: «...предлагаю Вам Н. Асфандиярова из-под стражи освободить, отобрать от него отзыв об избрании места жительства. Независимо от сего Вы имеете право привлечь Асфандиярова за самовольную отлучку в г. Астрахань к ответственности».

Сам бывший мулла пытается возобновить следствие по своему делу. Он пытается дать ход делу двухгодичной давности, заявив в своем ходатайстве в жандармерию, что в феврале 1913 г., в день 300-летия Дома Романовых, молебен он служил. Но жандармерия не собиралась возвращаться к давно решенному делу: «...производство, ...дополнительное расследование о его деятельности, преступность которого была вполне доказана, – удовлетворению подлежать не может» [1, л. 82].

Поняв тщетность своих попыток, Асфандияров в следующем прошении просит дозволения отправиться в Царицын, который он избрал для проживания до конца отбытия срока ссылки, не этапом, а самостоятельно за свой счет. Разрешение он получил.

Но в начале октября пристав 5-го участка сообщил полицмейстеру, что Асфандияров все еще не выехал из Астрахани. Оказалось, что он сломал ногу, правое бедро и просто не в состоянии ходить, все время проводит дома в постели. Был освидетельствован врачами, которые подтвердили этот факт, добавив, что перелом очень сложный и выздоровление займет не менее трех месяцев.

В январе 1916 г. губернские власти вновь вспоминают об опальном мулле, и полицмейстер запрашивает пристава о состоянии здоровья Асфандиярова, а также о сроках, в которые последний может покинуть Астрахань. 25 февраля губернатор потребовал от врачебного отделения губернского правления освидетельствовать Асфандиярова вновь. 1 марта врач Мургузов при осмотре больного выяснил, что для полного излечения потребуются еще 3–4 месяца. Кость срослась неправильно, больной испытывал при передвижении сильную боль, правая нога стала короче левой на 6 см; кроме того, начались проблемы с сердцем.

Но власти настаивали на исполнении закона, и 26 апреля Нурмухамед Асфандияров, так и не излечившись окончательно, отбыл в Царицын, где и умер в июне 1916 г. [1, л. 90–100].

В июне 1914 г. вторым и последним в предреволюционный период имамом (по неподтвержденным архивным данным) стал уроженец д. Шубино Сергачского района Нижегородской области Жиганша Абдулжаббаров 1880 г. р. Он в 1937 г. был репрессирован. В звании указного муллы он был утвержден Оренбургским Духовным управлением мусульман 13 августа 1909 г. По свидетельствам современников, он был одним из лучших знатоков Корана.

В 1932 г. мечеть была закрыта Советской властью. С этого времени здание мечети использовалось как складское помещение. В 1952 г. в здании было решено устроить Дом культуры членов артелей кооперации инвалидов Астраханской области. К началу 1990-х годов мечеть находилась в полуразрушенном состоянии. В 1997 г. здание мечети передали верующим. Она получила порядковый номер 38. По согласованию с руководством Астраханского регионального духовного управления мусульман азербайджанская диаспора г. Астрахани с 2004 г. начала восстанавливать мечеть. В настоящее время мечеть функционирует как шиитский храм, получивший новое название – мечеть «Баки».

Литература

1. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО), ф. 1, оп. 2., д. 1294.
2. ГААО, ф. 13, оп. 1, д. 54630.
3. ГААО, ф. 13, оп. 1, д. 55737.
4. ГААО, ф. 286, оп. 2, д. 410.
5. *Халитов Н.Х.* Мечеть и ее архитектура. – Казань: Иман-Халит, 1994.

Поступила в редакцию: 03.07.2014 г.